

Он не встречался с журналистами, не любил их. Считал, что они не могут точно передать его мысли. Да и времени у академика Шереметьевского было мало: всего себя отдавал работе, делу, которому посвятил жизнь. Так и закончил ее на взлете, многого, к сожалению, не успев осуществить. Первое и, пожалуй, единственное интервью он дал научному журналисту и писателю Владимиру ГУБАРЕВУ. Беседу с выдающимся конструктором и ученым он публикует в своей новой книге «Русский космос» (издательство «Алгоритм»), но сначала предложил его редакции «МС»

Академик Николай ШЕРЕМЕТЬЕВСКИЙ:

ОШИБКА, О КОТОРОЙ Я МЕЧТАЮ

Немного из современников могли сказать Королеву: «Сергей, давай выпьем!» - и чтобы тот согласился. Как известно, великий конструктор был строг в выборе друзей, но если уж кого выбирал, то доверял им безмерно, и тогда его душа, как у истинно русского человека, была нараспашку.

Шереметьевский был близок Сергею Павловичу Королеву. Впрочем, не только ему, но и другим главным конструкторам - к примеру, академику Челомею. Да и не одним лишь конструкторам, а великим ученым, на которых столь богата оказалась наша страна в XX веке. В том числе и Гурию Ивановичу Марчуку, чье участие в «Чаепитии в академии» и привело туда академика Шереметьевского. Он сидел рядом и внимательно слушал рассказ Марчука. Потом и сам Николай Николаевич взял слово. А после мы с ним разговорились.

Прежде чем излагать нашу беседу, надо сказать несколько слов о самом этом ученом. Его фамилия не мелькала на страницах газет и в информационных программах ТВ. В справочниках Академии наук в графе «место работы» значилось: «Президиум», и давался знаменитый адрес: Ленинский проспект, 14. Именно здесь работали многие и многие наши ученые. И уже один адрес давал понять, что мы имеем дело с «секретным академиком».

Это словосочетание всегда вызывало у меня улыбку. Многочисленные секретные службы старались «не допускать утечки информации», постоянно брались «подписки о неразглашении», нельзя было упомянуть в печати никакие фамилии - и в то же время легко было составить полный перечень ведущих ракетных конструкторов, создателей атомных и водородных бомб, творцов самого современного оружия, вооружившись лишь справочником Академии наук СССР, где запись «Ленинский проспект, 14» открывала эти самые секреты.

Сегодня напротив фамилии Шереметьевский значится: «ВНИИ электромеханики». Опять-таки название ничего не говорит непосвященному, но осведомленным людям (и, конечно же, всем приличным разведчикам) известно, что за ним скрывается одно из самых секретных в недалеком прошлом оборонных предприятий страны.

Нет, не секретность и оборона страны определяли наши возможности и наше стремление работать, - говорит Николай Николаевич. - Это превратное и абсолютно неверное суждение!

- В таком случае что же было главным?

- Цель! Не только она определялась верно, но и люди, становившиеся во главе направлений, выби- рались незаурядные... Я не буду говорить о ракетной

и космической технике - эти примеры всем известны. Но вот, к примеру, та же Академия наук. После академика Александрова во главе ее стал Гурий Иванович Марчук. Казалось бы, человек далекий от техники, тем не менее именно он определял в тот период нашей жизни всю научно-техническую политику страны. Он строил определенную концепцию, которую, как ни странно, мы, научные работники в области техники, принимали безоговорочно и слушались его как Бога.

- Почему вы это вспоминаете сегодня?

- Потому что сегодня в стране нет таких людей! Или они столь далеко «задвинуты» от руководства страны, что их не видно и не слышно...

- А может быть, им остается бороться только за свое существование - и уже нет времени думать о будущем?

- Такая гипотеза имеет право на существование. Не исключено, что она довольно точно отражает реальную ситуацию.

- Николай Николаевич, так случилось, что широкой общественности ваше имя говорит очень мало...

- Точнее - ничего!

- А как вы представляетесь людям, которые о вас не знают?

- Директором крупнейшего института электромеханики, который создавал разнообразные космические аппараты и иную технику, причем иногда не совсем приятную.

ТОЛЬКО ФАКТЫ. Это может показаться невероятным, но в сентябре 1941 года, когда немцы чуть ли не рассматривают Москву в бинокль, здесь рождается новый институт. Будущий академик А.Г. Иоисифьян доказывает, что необходим институт, который будет создавать источники электропитания для радиостанций и других установок... Чуть позже, уже после войны, здесь разрабатывается и создается бортовое оборудование для ракет и космических аппаратов, в том числе для гагаринского «Востока».

- Впервые встречаю столь необычный термин!

- К сожалению, существует такое оружие, которого лучше бы не существовало! И тем не менее оно есть...

Я очень давно не видел Гурия Ивановича Марчука - пожалуй, с того самого времени, когда Академия наук СССР перестала существовать. Но сегодня мне хотелось бы воздать ему должное и повторить: в то время, когда он стоял во главе нашей науки, будучи председателем Комитета по науке и технике и заместителем председателя Совета министров, а затем президентом Академии наук СССР, наука и новейшая техника в стране развивались в верном направлении. К сожалению, мы не привыкли говорить такое вслух, пока человек жив, но я хочу нарушить дурную традицию и сказать это и одновременно низко поклониться ему за это.

- Действительно, многое познается лишь спустя годы. Но все-таки вернемся к вашим делам. По-прежнему ВНИИ электромеханики на острие развития науки?

- Мы создали серию космических аппаратов, которые собирают информацию, обрабатывают ее и передают на Землю. Но и в нашей области идет распад, как и во всей нашей жизни. Мы делали лучшие в мире спутники, запускали их, у нас учились все зарубежные партнеры, потому что тогда у них ничего подобного не было... И мы делились своими достижениями с ними, потому что понимали: работаем на благо всего человечества.

- Есть понятие «экономическая выгода» - и есть понятие «нет денег». Казалось бы, к вашей фирме это не должно иметь отношения.

ТОЛЬКО ФАКТЫ. В 1963 году была запущена первая электротехническая лаборатория «Омега» («Космос-14»). Впоследствии институт стал головной организацией по созданию космических аппаратов серии «Метеор» для метеорологии, исследования природных ресурсов Земли и других отраслей народного хозяйства. Одновременно институт принимал участие в создании орбитальных станций «Салют», «Алмаз», «Мир» и в разработке ракет тяжелого класса.

- Я не стал бы углубляться в эти дебри, так как ничего нового мы не узнаем. На самом деле, когда необходимо - появляются деньги и находятся умы, способные решать любые проблемы. Но ради чего? Если раньше нам требовались интегрированные знания о Земле, мы хотели знать, что на ней происходит, а потому обрабатывали информационные потоки, идущие с орбит, то теперь это никому не нужно. Космос требует четкой системы управления в масштабах всего государства, и тогда мы будем определять, где нужно рубить леса, а где косить, где погибает пашня и где надо прокладывать каналы. Но теперь всего этого нет, и никому оно не нужно в России.

- Но мы же вошли в мировое сообщество на равных?!

- Вы так думаете? Скажу о своем. Если раньше всю метеорологическую информацию в мире можно было разделить на несколько частей и одна из самых важных относилась к нашей стране, то теперь даже простейший прогноз погоды на завтра мы имеем только потому, что получаем информацию с зарубежных спутников. Запад наращивает свое присутствие на орбитах, ну а мы уходим с них.

- Почему?

- Мы уже не можем сделать такую же аппаратуру, которая стоит на американских, французских и итальянских спутниках. А та, которая у нас еще есть, требует больших «паровозов», то есть мощных ракет. По существу в космосе мы теперь остались в далеком прошлом, и в будущем нам дороги уже нет. Да и нет заинтересованности в развитии космических исследований в России. Есть слова, но реальных потребителей космической продукции нет. А следовательно, и нужды в финансировании. Так что понятие «нет денег» подразумевает отсутствие полного интереса к космонавтике.

- Но вы с самых высоких трибун продолжаете убеждать мир в своих космических амбициях!

- Это еще одна иллюзия, с которой нам следует прощаться. Я говорю совершенно ответственно: в России нет ни одной организации, государственной или частной, которая была бы заинтересована в получении информации из космоса о состоянии природной среды или метеорологических данных.

- А возможности еще есть?

- Мы уже отстаем от Америки безнадежно. Они способны создавать и запускать современный метеорологический спутник раз в три года, а мы - раз в десять лет! И если мы делаем спутник весом в три тонны, то на Западе для этих же целей спутник весит триста килограммов. Происходит революция в микроэлектронике, а мы в стороне от нее. Мы идем в прошлое гораздо стремительнее, чем раньше шли в будущее. Нет денег, нет ракет, нет аппаратуры, нет собственной электроники - нет ничего, что обязано быть в «космической стране».

- Скоро мы забудем и само слово «космонавтика»?

- А зачем закрывать глаза на реальное положение дел?! Космонавтика как таковой у нас уже нет.

- А станция «Мир»?

- Наш институт принимает участие в триумфальном полете этой орбитальной станции. В частности, в ее управлении мы добились выдающихся результатов, о которых американцы пока могут только мечтать. 12 силовых гироскопов - «гиринов», вращающихся со скоростью десять тысяч оборотов в минуту, с высочайшей точностью держали сверхновую звезду. И тот наш ученый, что открыл ее, получил кафедру в Германии...

- Значит, польза от «Мира» есть?!

- Да - и для этого астронома, и для Германии... Но у нас нет заинтересованности в полете «Мира»: ни у государства, ни у Академии наук, ни у общественности...

- Ваш прогноз на XXI век?

- Все будут заниматься Международной космической станцией. Мы делаем для нее систему ориентации солнечных батарей, но пока трудно говорить об ее эффективности. Мы получали оперативно материалы с «Метеоров», но сможем ли получать их с МКС? Я не уверен...

- У нас нет программ?

- Возможно, они есть, но мне ничего об этом не ведомо... По крайней мере, я точно знаю, что для нужд исследований природной среды, для метеорологии ничего нового не делается. Безусловно, открыть новую сверхновую (извините за каламбур) почетно, но я все-таки 20 лет возглавлял институт, который решал сугубо прикладные задачи, то есть знаменитый и актуальный лозунг «В космос во имя Земли» мы делали реально.

- Значит, ваша Звезда Героя именно за это?

- В прошлом много было важного и интересного. Горжусь, что работал на оборону страны и даже удостоен за это звания Героя. А сейчас не могу не вспомнить о тех «гиродинах», которые и спустя 13 лет после запуска работают столь же надежно, как и в самом начале. Такого в мировой технике не было, и, конечно же, мне это приятно. Так что можно считать, что это моя сверхновая... Ну а у коллектива Института электромеханики много весьма достойных работ. Это и система спутников «Метеор», и участие во всех космических и ракетных программах.

- По-моему, не только в них...

- Обязательно нужно упомянуть, что вместе с академиком Анатолием Петровичем Александровым мы сделали систему управления Ленинградской АЭС. К сожалению, Чернобыльскую станцию нам не доверили делать, ее отдали другим. Наша же система управления до сих пор работает надежно.

- Вы ее будете улучшать?

- Это забота самих атомщиков. Сейчас делаем новую систему управления на новую атомную станцию с гелиевым охлаждением. Хочу, чтобы она была более эффективна, чем все существующие станции.

- Почему такой интерес именно к атомной энергетике?

- Там можно использовать наши «гиродины», и это весьма неожиданное решение. По сути дела, это использование космических технологий в земных областях техники и промышленности. То, о чем мечтали наши великие конструкторы Королев и Челомей. Если бы они жили сегодня, то убежден - направление «Космос - Земле» было бы всеобъемлющим...

ТОЛЬКО ФАКТЫ. Сейчас ВНИИЭМ осуществляет совместные проекты с рядом стран: с Германией - проект ИРИСАТ, САФИР (двухнаправленные системы связи для обмена цифровой информацией), с Францией - проекты РРБ (прибор для измерения радиационного баланса Земли), Италией - проекты НИНА (малогабаритный телескоп заряженных частиц) и ПАМЕЛА (аппаратура для исследования высокоэнергетических заряженных частиц), Израилем - проект отделяемого спутника ТЕХСАТ (исследование атмосферы Земли и космического рентгеновского излучения), Англией - проекты отделяемых спутников ТМСАТ (получение метеорологических изображений в ближнем ИК-диапазоне спектра электромагнитных волн) и ФАСАТ (мониторинг озонового слоя), Австралией - проект отделяемого спутника ФИЗО (дальномерная система лазерной локации), Швецией - проект использования информации с космических аппаратов типа «Ресурс-01»...

- Или разорили бы страну окончательно?

- У меня иное мнение. Тогда не воровали в таких размерах, как сегодня, а потому средств хватало и на космос.

- Уже этот неполный перечень международных проектов, в которых участвует ваш институт, показывает, что вам грех жаловаться - работа в космосе есть!

- Разве об этом речь?! В нашем институте, как и во всей космической индустрии России, работают специалисты высшего класса. В любой обстановке и при любых обстоятельствах они не останутся без работы. Более того, уйдя из отрасли, они будут процветать, как случилось с теми из конструкторов и научных сотрудников, кто перешел в банки, всевозможные финансовые и промышленные группы. Но мы-то говорим о другом: по сути дела, сегодня наши специалисты по космической технике работают в основном на зарубежных партнеров, так как собственной программы космических исследований в России нет. Утечка мозгов просто приняла иную форму: люди не уезжают за границу, а работают здесь на иностранных фирмы. Кстати, для наших зарубежных партнеров и заказчиков это намного выгоднее: и раньше у них были затраты минимальные, а сейчас становятся еще меньше...

- И что ждет отечественную космонавтику?

- Боюсь, нам остается жить воспоминаниями.

- Вы не боитесь ошибиться?

- Буду счастлив, если это случится...